

Секция 1

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЖИЗНЕННОГО УСТРОЙСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ (“Is the West the best?”)

15 мая 2015 г. Конференц-зал гостиницы «Рэдиссон SAS»

Руководители секции:

Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Д. АРДАКАНИ	президент Академии наук Исламской Республики Иран, доктор философии, профессор
М. А. МОРАТИНОС	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
П. П. ТОЛОЧКО	директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

В. А. Авксентьев¹

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК МОДЕЛЬ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Выбор оптимальной модели жизнеустройства России в XXI веке существенно отличается от постановки проблемы в первое постсоветское десятилетие. Идеологию 1990-х годов выразил писатель и философ И. М. Клямкин, утверждавший, что «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код»². Этот тезис является одним из наиболее цитируемых в современной российской *цивилизациологии*, чаще всего в критическом ключе, однако после распада СССР он был очень популярен в разном терминологическом оформлении. Эта идея представляется сегодня важной с двух точек зрения. Во-первых, это признание самостоятельности российской цивилизации, наличия некоего «цивилизационного кода». Во-вторых, это негативное отношение к этому «цивилизационному коду» и сформулиро-

ванное в императивной форме предложение отказаться от собственного цивилизационного кода или, говоря современным языком, от своей идентичности.

В первое десятилетие XXI века отношение к проблеме существенно изменилось. Стало очевидно, что избранная подражательная модель не оправдалась. Она не просто не реализовалась во внутреннем жизнеустройстве. Попытка стать частью Запада хотя бы в качестве «периферийной цивилизации», «цивилизации-спутника» не была воспринята самим Западом, который по-прежнему рассматривал Россию в качестве чуждой цивилизационной субстанции. Этот культурологический факт выражается как в традиционном наборе стереотипов и клише о России, так и в широком спектре предложений по «выправлению» ситуации, чтобы Россия стала «нормальной» западной страной. Примечательно, что отношение элитных групп Запада к России определяется не столько их плохой информированностью или устойчивостью шаблонных предубеждений, сколько их осознанным отрицанием всего связанного с Россией, воспринимаемой как страна не только чуждая им в культурном и ценностном смысле, но и проводящая политику, ущемляющую интересы Запада³. При всей значимости геополитического фак-

¹ Директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Идентификация этнического конфликта как проблема этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы», «Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем?» (в соавт.), «Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе» (в соавт.), «Российская цивилизация: в поисках идентичности» (в соавт.) и др. Вице-президент Международной ассоциации конфликтологов.

² Цит. по: Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 1995. С. 21.

³ Вайнштейн Г. Рациональное и иррациональное в восприятии России Западом // Агентство политических новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/print10945.htm> (дата обращения: 11.04.2014).

тора современный раскол между Россией и Западом имеет глубинное социокультурное основание, и поиск альтернативной модели развития начался более чем за десятилетие до геополитического кризиса, вызванного событиями вокруг Украины.

Справедливости ради отметим: ведущие западные эксперты понимают, что выведение России за скобки западного мира не отвечает его интересам. «Если Западу не удастся заключить долгосрочный стратегический союз с Россией, то это может обернуться для него глобальной изоляцией», — отмечал З. Бжезинский в 2012 году¹. Тем не менее развитие глобальной ситуации с конца 2013 года в контексте разрастания украинского кризиса показало, что Запад продолжает действовать в русле старых представлений о месте России в мире и исходящих от нее «угроз», столь красочно описанных в предшествующих работах З. Бжезинского². Сам американский политолог также остался в рамках привычного дискурса крайнего русофоба, рассуждая, например, о том, что если Президент России Владимир Путин решит напасть на Латвию и Эстонию, российский войска могут занять Ригу и Таллин за один день³.

Американский антрополог и социолог А. Смит отмечает: «самое плохое и для России, и для Запада — позволить геополитическому конфликту раскрутить спираль, которая через экономические санкции, политические запреты и культурную изоляцию приведет к размежеванию, которое можно будет обозначить как межцивилизационный раскол»⁴. То, о чем предупреждает А. Смит, уже произошло. Однако геополитический конфликт не породил, а перевел в манифестное состояние межцивилизационный конфликт.

Для России императивом ее дальнейшего развития становится новое обретение себя в современных геополитических условиях. Ширятся ряды евразийцев, точнее, неоевразийцев, которые смотрят на ситуацию не с метафизических позиций классического евразийства, а в контексте постмодерна. Европа медленно, но неуклонно теряет импульс развития, центр экономического роста так же неуклонно перемещается в Азию, и «промежуточное» положение России из источника маргинализации превращается в преимущество. При этом России придется отказаться от некоторых стереотипных представлений о Южной Азии, в частности об Индии и Китае, как о странах, способных развиваться только на основе использования за-

падного опыта. Эти страны предложили вполне удачные модели гармонизации традиционализма и модерна и развития на основе собственной культурно-цивилизационной матрицы.

Кроме того, становится все более очевидно, что социальные системы, основанные на коммунитаризме, имеют долговременные преимущества перед системами, основанными на индивидуализме. И если мы действительно имеем дело со столкновением цивилизаций, то его контуры все более зримы: общества, основанные на взаимной связи и ответственности людей, граждан, с одной стороны, и государства, общества — с другой, в которых культурой и идеологией предусматривается возможность подчинения индивидуальных интересов общественным, более жизнеспособны в исторической перспективе, чем общества, зиждующиеся на абсолютизации личной свободы, идеологии «усыхания государства», от которой в последние годы отказываются по причине несоответствия реалиям. Сдвиги в гендерной ситуации на Западе (от регистрации и даже церковного оформления однополых браков до предложений легализовать инцест) перестали выглядеть как экзотические выходы отдельных экзальтированных либералов и скорее укладываются в концепт мейнстрима.

Россия, опять же в силу ее транскультурного положения, демонстрирует обе тенденции, что позволяет абсолютизировать одну из них для «доказательства» доминирования западного или незападного вектора ее развития. Противоречивую ситуацию в общественном сознании показывают и социологические исследования⁵.

Таким образом, Россия находится в ином социокультурном пространстве, чем Европа. Различия не носят ситуационный характер и не вызваны геополитическим столкновением вокруг Украины. Это экзистенциальное различие, порожденное различием в социокультурных матрицах России и Запада, лишь обостренное до предела украинской катастрофой 2013–2014 годов. Поэтому провалы в политической коммуникации с европейскими контрагентами имеют долговременный характер и являются манифестацией ценностных различий Европы как части Запада и России как части не-Запада. России предстоит обрести свою самость в меняющемся мире, обрести свою новую цивилизационную идентичность и на этой основе вести диалог с западной цивилизацией как равноправным партнером.

¹ Brzezinski Z. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. Basic Books, 2012. URL: http://royallib.ru/read/Brzezinski_Zbigniew/Strategic_Vision_America_and_the_Crisis_of_Global_Power.html#275215 (дата обращения: 07.07.2014).

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Междунар. отношения, 2009.

³ Бжезинский: Путин может занять Ригу и Таллин за один день. URL: <http://gordonua.com/news/worldnews/Bzhezinskiy-Putin-mozhet-zanyat-Rigu-i-Tallin-za-odin-den-62578.html> (дата обращения: 09.03.2015).

⁴ Anthropologist: Bronze Age offers lessons for Ukraine // Cornell Chronicle. 2014. June 10. URL: <http://www.news.cornell.edu/stories/2014/06/anthropologist-bronze-age-offers-lessons-ukraine> (дата обращения: 24.10.2014).

⁵ См., например: Россия — страна левого индивидуализма // Независимая газета. 2014. 17 июня. URL: http://www.ng.ru/ editorial/2014-06-17/2_red.html (дата обращения: 18.06.2014).